

Научная дискуссия

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ И ВОЗРАСТНОЙ ФИЗИОЛОГИИ РАО 15 АПРЕЛЯ 2009

Дискуссия по докладу академика РАО В. С. Мухиной «Концепция феномена личности»*.

I – Вопросы к докладчику и его ответы

Академик РАО Е. А. Климов: У меня три небольших вопроса, Валерия Сергеевна.

Первый вопрос направлен на ликвидацию моей неграмотности, поэтому можете не отвечать, а просто обругать меня. Вопрос вот в чем. Кто ввел в русскоязычный оборот слово «личность»? Оно же не имеет никакого отношения ни к внутреннему миру, ни к психике. Корень слова тут «лицо» и абстрактный суффикс вроде как *вечность*, *бесконечность*, *плотность* и т.д. Я посмотрел словари синонимов – там просто уши вянут: там морда, харя, образина и пр. Конечно, если к ним приставить абстрактные суффиксы, то получатся научные термины: *образинность*, *мордность* и никакой психологии. Вот, если Вам известно кто, какой негодяй ввел в русский язык это не психологическое слово, будет интересно. А если не хотите отвечать, то обругайте.

В. С. Мухина: Евгений Александрович! Я здесь описывала историю (предтечи), в которой складывались представления о том, что такое личность. Понятие «личность» развивалось в истории на протяжении многих столетий в философии и богословии. Позже в психологии. В Библии единожды вы можете найти это слово – «личность». Однако православные богословы уже давно исследуют понятие «личность», его значения и смыслы. «Личность» – это понятие, которое сегодня стало понятием многих наук. В моей монографии «Личность: Мифы и Реальность» я описала историю развития этого понятия. Кто придумал слово «личность», не имеет значение. Но те персоны, которые и в религии, и в философии, и в науках пытались выделить в человеке некую феноменологическую сущность, которая становится для него личностно значимой и которая застав-

* Доклад сделан на Отделении психологии и возрастной физиологии РАО 15 апреля 2009 года. Текст доклада см.: Развитие личности. – 2009. – № 2. – С. 8–25. Рецензии на доклад, данные В. А. Петровским и Л. В. Тарабакиной, см.: Развитие личности. – 2009. – № 3. – С. 8–15.

ляет его взять на себя ответственность за свои сущностные особенности и поступки, те кто стал относить это к человеку как к личности – эти представители рода человеческого задали всем остальным людям очень важную задачу: развивать в себе феноменологически значимые личностные черты и отстаивать их перед другими.

Личность – понятие, значения и смыслы которого продолжают развиваться в науке. И у меня нет никаких амбиций. Все, что я вытащила из истории развития этого понятия, – предмет моего исследования.

Я считаю, что главный акцент должен быть сделан на том, что для современного человека очень важно быть личностью. Именно человек как личность берет на себя ответственность перед собой и другими. И это не наших XXI или XX веков мысли. Все давно обсуждалось в православии и в философии. То есть человеческий интеллект давно работал над пониманием сущностных основ личности.

Взятие на себя ответственности, представленность своей сущности, защита ее перед собой и другими – это сущностные черты, которые представляют человека как личность. *Личность – это миф, который есть мечта человека о своих высших проявлениях, и это реальность, которая возвращается в истории человечества.*

Когда у меня есть система ценностей, я хочу им соответствовать. В экстремальных ситуациях важно выстоять, важно быть личностью.

Давайте снимем этот вопрос с обсуждения, я об этом написала книгу более чем в тысячу страниц. Читайте!

Академик РАО Е. А. Климов: Согласен. Меня интересовало слово «личность».

Второй вопрос. В психологии есть понятие, которому довольно много уделено внимания – «субъект деятельности». В каком отношении находится понятие «личность» и «субъект деятельности»?

В. С. Мухина: Я буду говорить сегодня только о том, что для меня является ценностным и значимым в пределах моей компетенции. Есть огромное количество понятий, которыми я не пользуюсь, в число этих понятий входит и «субъект деятельности». Я могла бы здесь обсуждать значение этого понятия, но оно за пределами моего концептуального рассмотрения. У меня особый тезаурус, он проработан, он представлен в монографии «Личность: Мифы и Реальность» (2007), и в двенадцати изданиях учебника «Возрастная психология. Феноменология развития» (2009). Я буду исходить только из тех понятий, которыми я пользуюсь.

Прошу прощения. Иначе мы вообще уплывем от моего доклада, от моей концепции.

Академик РАО Е. А. Климов:

Третий вопрос. Вы говорите: «психологическое пространство самой личности». Но пространство – это геометрический термин, он имеет метрику, координаты. Как понимать слово «пространство» здесь? Это что?

В. С. Мухина: Я исхожу из концепции о структуре самосознания.

Академик РАО Е. А. Климов: Ну, я вот тут вычитал (и в справке есть). Психологическое пространство самой личности. Что такое пространство?

В. С. Мухина: Каждое «Я» как человек, как личность, многомерно. Психологическое пространство личности не линейно, оно многомерно. Пространство наряду со временем является сущностной характеристикой бытия. Помимо пространства Вселенной, исследованием которого занимался еще Исаак Ньютон, есть еще личностное, автономное пространство: культурное пространство человечества сопряжено с автономным пространством отдельной личности. Об этом я много пишу. Этим я много мучаюсь. Психологическое пространство личности наряду с психологическим временем личности является сущностной характеристикой бытия этой личности.

Психологическое пространство личности в его социально-исторической соотнесенности является важнейшей категорией. Здесь речь идет о нормативности, о правах и обязанностях человека как личности, которые определяют его внутреннее психологическое пространство.

Академик РАО Г. Н. Филонов: Валерия Сергеевна! Скажите, пожалуйста, вот если бы Ваше сегодняшнее прекрасное сообщение, которое мы выслушали, было бы названо просто «Концепция личности», без слова «феномен». В чем отличие «Концепции феномена личности» от «Концепции личности»? Вот у меня такой вопрос возник.

В. С. Мухина: Георгий Николаевич! Слово «феномен» концентрирует внимание на том уникальном, что есть в личности. Феномен – особое явление. Потому что о личности можно говорить много разного. Но есть сущностные особенности, без которых личность не может состояться. Феноменологическую суть человека как личности выявляют такие сущности как «самосозидание», «самопознание», «самостояние» и др. Поэтому понадобилось понятие «феноменология»: оно несет особую, знаковую нагрузку на понимание личности...

При этом феноменология в философии Г. В. Ф. Гегеля – не предмет моего анализа.

Академик РАО Г. М. Филонов: Валерия Сергеевна! Скажите, пожалуйста! Я не хочу знать, что такое личность. Но на что нужно показать пальцем и сказать «Вот это личность»? Вот у Вас.

В. С. Мухина: Ни на что. Ни на кого. Это, очевидно, человек, который в конкретный момент предстает перед другими как личность. Пальцем я не могу показать, не покажу: речь может идти о тех временных промежутках, когда человек проявляет себя как личность. Как ученый я анализирую понятие «личность». Как обыденный человек я могу указать на человека как личность в момент его особого для него самого и для социального окружения проявления. Об этом я много размышляла и продолжаю размышлять. Если человек проявляет себя в соответствии с теми ценностями, которые он провозглашает, то я могу думать о нем: «Да, этот человек проявляет себя как личность».

Каждый Божий момент ни я, ни кто другой, мы не можем проявлять себя как личность. Потому что, извините, когда мы проснулись и занимаемся туалетом, то тут личности нет, тут есть обыденные навыки, стереотипные проявления человека в текущей жизни.

Что есть личность в живых проявлениях человека? Это очень хороший вопрос. Личность... она проявляется во мне, в те моменты, когда для меня возникает *проблемная ситуация*, которую я должна решить. Я должна соотнести свои ценности и эту самую внешнюю ситуацию, в которую я вошла, в которой я нахожусь. И, если я выбираю решение в соответствии со своими ценностями, несмотря на то, что бывает очень тяжело делать выбор, то я в этот момент проявляю себя как личность. Извините, но об этом писали многие философы, богословы и ученые. Я могу об этом сколько угодно говорить.

Академик РАО В. С. Собкин: У меня два вопроса.

Вопрос первый. Когда Вы говорили о тех областях, на стыке которых можно заниматься проблематикой личности, Вы называли психологию, историю, биологию, религию и не назвали образование? Это случайность или нет?

В. С. Мухина: Владимир Самуилович! Смотря какой контекст размышлений мы выбираем. Конечно, с одной стороны, это случайность: образование имеет значимую роль в развитии личности. Я в образовании работаю: пишу программы и занимаюсь образованием. Я издала программы: «Психология в образовании» – три модуля. Это инновации в образовании – программы для аспирантов.

В контексте моего построения концепции феноменологии личности у меня доминируют философия, богословие, психология и др. науки. Образование – отрасль знаний, которая занимает особое место в моей позиции.

Академик РАО В. С. Собкин: *Второй вопрос*, близкий к тому, который Вам уже задавали. Когда Вы говорите о пространстве и времени как о самостоятельных реальностях, Вы не хотите использовать идею хронотопа как единства пространства и времени?

В. С. Мухина: Дело в том, что все те реалии, которые я обсуждаю, находятся в единстве. В книге все это подробно прописано. Все пять звеньев самосознания – не только психологическое пространство и время, но и все другие (имя, притязание на признание, половая идентификация), взаимодействуют. Простите, но я не могу рассматривать отдельно взаимодействие психологического пространства и психологического времени. У меня в концепции речь идет о пяти звеньях самосознания. И я всегда настаиваю на том, что они взаимодействуют между собой. При этом разделение звеньев условно – лишь для научного анализа.

Что же касается пространства и времени, то у меня речь идет о психологическом пространстве и времени. И это принципиально значимый акцент: *психологическое пространство личности и психологическое время личности*.

Академик РАО В. С. Собкин: Я почему задал этот вопрос? Потому что в бахтинской концепции «единство пространства и времени», а Вы ссылаетесь на М. М. Бахтина, это является принципиальным моментом как особый подход к ценностно-ориентированному пространству. М. М. Бахтин разделить пространство и время не может принципиально.

В. С. Мухина: Я уже ответила на этот Ваш вопрос. Я пишу о взаимодействии пяти звеньев структуры самосознания. Это моя позиция. Я поду-

маю над тем, на чем Вы настаиваете. Но у меня в концепции и психологическое пространство, и психологическое время, и все другие звенья – связаны, все находятся в единстве и в противостоянии.

Вопрос из зала: Валерия Сергеевна! Исходя из Вашего изложения, можно ли понимать так, что личность – это феномен, который рождается на стыке социальных конфликтов и противоречий?

В. С. Мухина: Спасибо за вопрос. Замечательный для меня вопрос. Я думаю, что личность – это феномен, который проявляется в человеке в ситуациях, выступающих для него как проблемные, в том числе и в экстремальных для него ситуациях. Очень важно указать на то, что личность проявляет себя в ситуациях, которые выступают для нее как проблемные. Потому что если у человека в данный момент нет проблем, то он не может проявлять себя как личность. Но, исходя из опыта взаимодействия между людьми, мы знаем или предполагаем личностный потенциал друг друга. Личность всякий раз подтверждает себя в поступках.

Вообще понятие «личность» очень сложное. Личность в человеке, безусловно, потенциально есть, но в то же время она в известной мере эфемерна, призрачна. Так, если человеку дали наркотик для того, чтобы выключить сознание и провести операцию, то личность ушла (вышла вон), осталось лишь тело. Экстремальная ситуация: и человек как личность делает выбор. Понимаете? Личность – это в нас, безусловно, сильное сущностное образование. Но... в то же время – очень хрупкое образование. Мы определяем личность как индивидуальное бытие общественных отношений. Личность при этом – тот феномен, который проявляется в нас в проблемных ситуациях. Я полагаю, что вы поняли меня правильно. Я согласна с Вами. В каждую секунду бытия я не личность. Я на этом настаиваю. Личностное проявление – это всегда некое усилие для того, чтобы решить проблемную ситуацию в соответствии со своими ценностями.

Пример. В экстремальных ситуациях Спитакского землетрясения многие взрослые мужчины (лидеры) были дезориентированы, находились в ступорозном состоянии. Они не могли читать тексты, написанные по-армянски, не могли самостоятельно принимать решения. Эта крайняя стрессогенная ситуация лишила их способности быть личностью. А зомбированный или получивший стрессогенный удар человек разве личность?

Академик РАО Г. Н. Филонов: Если исходить из Вашей логики, то когда отсутствует экстремальная ситуация, когда мы находимся в стабильной ситуации (в позитивных условиях), то разве индивид как личность не может проявляться?

В. С. Мухина: Я поняла Вашу мысль, Геннадий Николаевич. Спасибо. Проблемная ситуация это не только, когда земля трясется (землетрясение). Проблемная ситуация может возникать в нашем живом общении. Каждый день у человека могут возникать проблемные ситуации... Вот мы взаимодействуем друг с другом: обмениваясь нашими ценностными ориентациями, нашими мнениями, позициями. И если кто-то хочет меня подмять и говорит: «Вот так надо думать или вот так надо делать», я выступаю в этой ситуации как личность, если исхожу из своего видения,

понимания, из своих ценностей. Это взаимодействие ценностей, идей в общении между нами, людьми, происходит постоянно. В один день это может быть сколько угодно раз. Если ситуация не проблемная, то человек не противостоит ей. Если ситуация проблемная, то тут человек должен сделать выбор. Личностная позиция жизненно важна для человека. Эта позиция и ее реализация показывают, насколько человек может проявлять себя как личность.

Академик РАО А. И. Донцов: Валерия Сергеевна! Механизмы идентификации и обособления рассматриваются Вами как некие механизмы бытия личности. В то же время это и механизмы бытия человека в целом, а не только того хрупкого в человеке, что есть личность. Это вообще всеобщие механизмы человеческой жизни, любых ипостасей человека?

В. С. Мухина: Александр Иванович! Спасибо за вопрос. Я изначально по воспитанию и образованию – натуралист. Не зная слов «идентификация» и «обособление», учась в школе, потом в институте я сидела в клетках и в вольерах с высшими и низшими обезьянами. Все советские шимпанзе были моими личными приятелями. Я их наблюдала, изучала особенности их подражания и мышления. Человекообразные обезьяны и низшие (макаки, павианы) были объектами моих исследований. Я открыла для себя механизм *идентификации–отчуждения* у социальных животных. Поразительно, как этот механизм осуществляется в поведении животных: то выраженная идентификация, то выраженное обособление. Я это наблюдала со школьных лет (знала как бы всегда). Я сначала наблюдала животных, позже я стала наблюдать, как это происходит у человека. И для меня это удивительные, нерасторжимые, соединенные друг с другом механизмы. Потом я осмыслила мои наблюдения (эмпирически известное) концептуально... Позже, когда стала заниматься психологией, я узнала, что есть такие понятия, как «идентификация» (например, психоанализ), «отчуждение» (например, экзистенциализм). Я радовалась, что это, известное мною явление (механизмы развития и поведения), изучается в науке. Так что с феноменами «идентификация», «обособление» я была знакома эмпирически с молодых лет. Не забудем, что моим учителем была Надежда Николаевна Ладыгина-Котс.

Академик РАО А. И. Донцов: Если эти механизмы всеобщие, то какую специфику они приобретают по отношению к тому хрупкому, таинственному, что есть собственно личность?

В. С. Мухина: Александр Иванович! Спасибо за вопрос. Личность обязательно несет в себе определенное видение себя в мире, определенные ценностные ориентации, из которых она исходит. Идентификация и обособление у личности совершенно особого уровня. Они проистекают не только на бессознательном уровне, но и на уровне сознательной позиции. Когда личность со своей системой ценностных взглядов живет в мире, то идентификация и обособление могут проявляться как *культурный феномен*. Это может быть воспитание, может быть технология в общении профессионалов. Идентификация и обособление на уровне личности – это форма культурного проявления человека, это механизмы, которыми он

сам управляет. Я больше люблю понятие «обособление» – оно емче охватывает разнообразные проявления психики. Я ответила на вопрос?

Академик РАО А. И. Донцов: Да! Следующий вопрос. Притязание на признание как некое измерение того самого хрупкого, что есть личность. Как оно помещается в структуру механизмов идентификации и обособления? Каким образом действуют общие механизмы идентификации и обособления при формировании того в личности, что Вы называете притязание на признание?

В. С. Мухина: Мы социальные. Общество требует от нас нормативности, скромности («быть как все») и притязаний на признание («не путайте меня с другим!»). Эти социальные ожидания формируют в ребенке потребность соответствовать социально сложившимся нормативам, благодаря которым он должен научиться жить, соотнося свои спонтанные порывы с социальными ожиданиями. Сама система социальных ожиданий воспитывает социального человека. Ребенок входит в мир. Если он совершает поступок неправильный с точки зрения ожиданий родителей, они демонстрируют отчуждение, они выражают свое неодобрение. Родители не принимают «неправильного» поведения ребенка. Отчуждение родителей выражается по-разному. Это может быть неодобрительный взгляд. Это может быть неодобрительное слово. Это может быть что угодно (жест, пауза и др.). В социальном опыте человека много разных форм выражения неприятия чего бы то ни было. Это – работа обособления, отчуждения. Идентификация выражается принятием, одобрением. Ребенок делает что-то, что одобряется. Мы приветствуем его. Мы говорим: «Молодец!» Мы оцениваем: это «хорошо», «плохо». Если мы, общаясь со своими коллегами, что-то не приемлем из того, что высказывается или так или иначе проявляется в живом разговоре или в концептуальном построении, то мы вольно или невольно демонстрируем обособление. Вот, например, я слушаю с удовольствием доклад до тех пор, пока что-то мне начинает мешать, что... я не приемлю. Я меняюсь в лице, я волнуюсь, то есть я вольно или невольно выражаю отношение. Если я осознаю свое несогласие, то сознательно демонстрирую обособление. Это может быть невольное (спонтанное) обособление или хорошо контролируемое, демонстративное.

Идентификация и обособление примечательны тем, что они – единый подвижный, *пульсирующий механизм*. Этот механизм может быть технологией работы человека с человеком. Цивилизованный человек проявляет культурные формы идентификации или обособления.

Эти механизмы и формы их выражения помогают реализовывать притязания на признание и отстаивать свою личность.

У психоаналитиков были истории, когда их клиенты на них «повисали». Психоаналитики не обсуждали технологии работы с клиентами через механизмы идентификации–обособления. Я контролирую человека, которого я веду как клиента. Я это делаю и словом, и жестом, и общим отношением. Идентификация и обособление – это социально значимый механизм, за которым большие возможности, большой потенциал. У нас, людей, этот механизм может быть куда более совершенен, многообразен, изощрен и тонок, чем у животных. Он давно окультурен. Притязая на

признание человек использует оба механизма в своих отношениях с другими. Цивилизованный человек их использует грамотно.

Спасибо всем за вопросы.

II – Обсуждение

Член-корреспондент РАО В. А. Петровский: Я был рецензентом книги «Личность: Мифы и Реальность» и достаточно подробно выразил свое мнение в отзыве. Хотя слово «подробно» здесь неуместно.

Очень трудно передать и пересказать то, что есть в книге. Это очень богатая книга. Я это обсудил. Я сейчас выскажу несколько соображений. Постараюсь не дублировать то, что есть в рецензии.

Мы обсуждаем книгу Валерии Сергеевны в особое время. Я вот думаю, может быть, кризисы в психологии предвосхищают кризисы в обществе. Психика есть опережающее отражение действительности. Может быть, и с кризисами так же. Такого кризиса психологии, как сегодняшний, мы не переживали годы – кризиса двух психологий: академической психологии и практической психологии. Все абсолютно разное: язык разный, категории разные, критерии достоверности разные, а также материальный уровень психологов-практиков и психологов-теоретиков. <...>

Я думаю, что книга Валерии Сергеевны Мухиной, – часть очень важного процесса. Все, что делает она, Валерия Сергеевна, как автор книги, как теоретик, как практик – это путь выхода из кризиса. Опыт того, что я называю *общая персонология*. Это наука, которая только-только рождается. Это наука, которая представляется мне не как наука о личности, а как наука личности. То есть это наука, которая выступает как психологическое орудие самопостроения личности.

Лев Семенович Выготский ввел понятие «психологическое орудие», оно может быть насыщено психологическими переменными. *Само психологическое знание может рассматриваться как психологическое орудие.*

Именно такое психологическое орудие выстраивает Валерия Сергеевна. А это орудие выстроить непросто. Потому что – особое отношение к положениям этого орудия, совершенно особый подбор фактов, которые могут быть в целом частью *работающего психологического знания*. Как раз такое, работающее психологическое знание Валерия Сергеевна нам и предлагает.

Книга называется «Личность: Мифы и Реальность». Что, я вас спрашиваю (такой риторический вопрос) там есть такая связка «и» – Мифы и Реальность? Что составляет единство мифов и реальности? Я бы ответил так. Это наши идеи. Если только миф, то это – ложь, сказка. Может быть, нравоучение, может быть, психотерапия, психотерапевтический миф. «Сказка ложь, да в ней намек»... да. Урок... да. Если только реальность, то это та замечательная академическая наука, от которой может быть ни жарко и ни холодно. А вот *миф и реальность* – это уже идея, единство образа себя, мира и своего действия в мире.

Автор книги даже вводит особый, я бы даже сказал, *пафосный конструкт* «*Великое идеополе общественного сознания*». Хорошо, что здесь есть

пафос имени. Оно, это имя «Великое идеополе общественного сознания», адекватно объему и значимости самого содержания. Само имя этого конструкта «Великое идеополе общественного сознания» в силу своего собственного величия, я думаю, станет частью того, что оно обозначает, на что указывает. Не просто формулируется, но многообразно еще и раскрывается в совершенно притягательный по своей дерзости тезис.

«Великое поле» двойственно в своем бытии. С одной стороны, оно включает результаты уже совершенных и не совершенных деяний людей, но обозначенных, с другой стороны, оно представляет. Великое идеополе общественного сознания, согласно автору, обозначает и представляет самостоятельную сущность, бытийствующую по присущим ей самой законам. *Развивающееся поле*. Очень интересно! *Оно не тождественно ноосфере*. Это тоже очень важно. Я пытался это осмыслить... И представил себе это так: любой ход на шахматной доске общественной мысли меняет все поле игры в целом: смысл и возможности фигур, стратегии игроков и даже число действующих лиц в перспективе игры.

Читая книгу, я думаю, поверх всех метафор читатель откроет для себя множество понятий, в которых автор раскрывает смысл вот этой вот введенной им категории и очень многих понятий и категорий, которые есть в книге. При этом Валерия Сергеевна избегает абстракций, характеризуя предметы своего рассмотрения столь конкретно, сколь позволяют ей условия повествования. Это, в частности, относится к *идее двоичности*. Эта идея сегодня прозвучала. *Она – сквозная, эта идея*. Она – ось, вокруг которой вращается все содержание, содержимое книги.

В своем письменном отзыве я описал научные завоевания автора столь подробно, сколь позволяет само условие повествования отзыва. Но могу сказать, что Валерии Сергеевне как ученому – это я хочу подчеркнуть, – *ей всегда удавалось быть впереди*: задавая образцы понимания и исследования, наталкивая на неизученные феномены.

Это касается *гендерной тематики*, ведь не только педагогика у нас была бесполой, но и психология детства и психология взрослости в значительной мере была бесполой. И сегодня сохраняется эта тенденция.

Это касается и проблемы *имени*. Психология у нас была не только бесполой, но и безымянной.

Это касается *этнического самосознания и общечеловеческого*.

Это прекрасная идея Мухиной, касающаяся пары «*идентификация–обособление*». В ее теории масса новых замечательных понятий.

Коль времени мало, то я многое опущу и скажу вот что. Писатель Андрей Битов писал о том, что понимание людей друг другом – есть «*через себя понимание*».

Перед нами масштабный вопль через себя понимания автором проблемы личности. Это один из первых общеперсоналогических трактатов, первая энциклопедия личности для личности. Это источник развивающего самопонимания, самоосмысления, самоориентации человека.

Доктор психологических наук А. А. Иванова: С 1992 года по 2001 год в Краснодарском крае шли исследования, связанные с изучением этнического сознания казаков-подростков, кубанской молодежи (в частности,

изучался русский и адыгский этнос). Безусловно, определяющее, особое место в исследовании занимала концепция самосознания личности Валерии Сергеевны Мухиной. Безусловно, она явилась центральной и важной для нас фигурой. Проективные методы, которые мы применяли в исследовании, дали столь значительные результаты, благодаря которым мы построили программы государственного уровня. Программы создавали условия для развития ценностных ориентаций детей дошкольного, школьного возраста и студенчества. В Краснодарском крае и республике Адыгея появились этнические детские сады. Именно благодаря концепции В. С. Мухиной появились программы развития молодежи. Краснодарский край – это 132 этноса. Постоянное взаимодействие представителей разных этносов представляет интерес для изучения в сложном мире этнических отношений. Все концептуальные положения, о которых говорила Валерия Сергеевна, нашли продуктивное подтверждение в наших эмпирических исследованиях. Наши исследования стали продолжением и продвижением концептуальных позиций, которые были давно сформулированы Валерией Сергеевной.

Академик РАО А. И. Донцов: Я опущу комплементарную часть. Валерия Сергеевна! Я всегда с огромным интересом читаю то, что Вы делаете, то как Вы подходите к решению поставленных Вами проблем. В данном случае я не полностью прочел книгу, поэтому в отличие от Вадима Артуровича у меня нет полной картины. Хотя я внимательно читаю Вашу книгу! Я остановился на двух третях. И не книгу я хочу оценивать. Мне кажется, что это важная работа. Для меня, во всяком случае, она была важна и интересна. И я надеюсь, что она будет важна и интересна и для читающей публики в области психологии. И не только в области психологии.

Я рад, что передо мной выступила коллега. Я еще буду апеллировать к этому.

Я хотел бы сказать о собственных ощущениях от прочитанного и от услышанного. Хотя я понимаю, что сегодня задача была практически невыполнимая и невыносимая. Изложить в двадцать минут полторы тысячи страниц – это немыслимо!

Какие у меня ощущения? Я пришел к окончательному убеждению, что личность – это не предмет исследования, это некая идеализированная компонента, которая иначе как мифом и названа быть не может. *Личность – это объект стремления, это объект почитания, отчасти поклонения.*

В любом варианте был, наверное, бихевиоральным вопрос Евгения Александровича по поводу того, можно ли показать пальцем.

Ваш ответ был абсолютно точен. Пальцем показать нельзя. Но то, на что пальцем показать нельзя, в моем ощущении (и это сквозит во всей работе), с моей точки зрения, это некая нереальность. Это виртуальная реальность. Сейчас появилось такое модное словечко. *Это некий потенциал бытия в самом разнообразном варианте, который включается в особого рода моменты.* Я повторяю, что это не анализ, а мое внутреннее ощущение той, в конечном счете, позиции, которая прозвучала.

Почему у меня возникла эта позиция? Я стал думать. Сегодня стал как бы думать. У меня два аргумента.

Первый аргумент. Мне сильно недоставало той операционализации, которая позволяет показать пальцем, в представлении тех компонентов структуры личности, которые представлены. Не в том даже дело, что можно назвать компонентом (так или иначе). В любом случае *он указывает на что-то сущностное.* Ну, вот возьму один пример. Скажем, он просто близок мне в связи с родом занятия в области социальной психологии, так или иначе апеллирующей к *homo sapiens* как социальному животному – *социально-нормативное пространство личности.* По сути дела, я не знаю, обратили ли Вы, Валерия Сергеевна, внимание – оно лишено «других». Там представлены идеализированные какие-то «другие», представлены мыслями о том, что человек не одинок. Но о них там нет речи. То есть речь идет о продуктах деятельности этих «других», об ожиданиях, которые они предъявляют к данному конкретному человеку, о тех похвалах, которые они ему адресуют, и так далее.

Вот я спросил о притязании на признание. Вот чего мне тоже внутренне не доставало: недоставало возможности операционализировать. Если признание – это похвала; если личность – это нечто, особенно хрупкое... Тогда для меня операциональный вопрос: Чья похвала? Чья похвала формирует мою внутреннюю удовлетворенность; мою или того, что во мне есть личность и что меня поднимает? Чья похвала? Я могу честно сказать, что для меня в жизни, а в науке тем более, крошечное количество людей... людей, с которыми у меня иной раз просто нет и быть не может ни какого физического контакта. Всю мою студенческую жизнь, мои однокурсники не дадут соврать, я числил себя под знаком А. Н. Леонтьева. Его давным-давно нет, но если внутренне возникает ситуация получить одобрение некоего вымышленного, виртуального рецензента, то я, скорее, подумаю о том, что сделает он, что скажет он по этому поводу, чем скажет какой-либо начальник ныне здравствующий, платящий гонорары, зарплату.

Мне представляется, что это начало пути. Это то начало пути, которое предполагается в самом начале. Потому что Валерия Сергеевна взяла на себя труд поместить свое собственное видение проблемы личности в контекст того, что думали и делали люди самых разных профессий. Я двумя руками голосую за! Потому что этот феномен нельзя ухватить изнутри какой-либо одной дисциплины. По-моему, должен быть и некий следующий теоретический шаг, который будет связан с тем, что это здание – такое фундаментальное и капитальное – немножечко расчленить, расцветить в своих конкретных сторонах и областях.

Я бы мог вслед за тем, что говорил Владимир Самуилович, поговорить о пространстве. Оно широко используется в психологии. Евгений Александрович как всегда ёрничает по поводу того, что это геометрия. Но здесь можно и, не ёрничая, задавать серьезные вопросы о том, как это существует, сопрягается или не сопрягается со временем и т. д. Поэтому... думаю!

Мне было очень интересно! И я думаю, что это то начало, которое даст возможность каждому из нас думать и продвигаться дальше. Спасибо.

Академик РАО В. С. Собкин. Я с огромным удовольствием прочел книгу, которую мне подарила Валерия Сергеевна. Личностно я ей многим при-

знателен как исследователь. Но я хотел бы высказать несколько соображений по поводу книги.

Мне кажется неслучайным мой вопрос и неслучайным то, что Вы не упомянули образование. Может быть, обострить и сказать, что в современном образовании и «нету» ситуаций проявления личности, и оно не предполагает личностного поведения ребенка в той форме обучения, которая сегодня сложилась в той классноурочной системе отношений и той позиции, которую занимает учитель по отношению к ученику. Я говорю о традиционной ситуации, что, может быть, там и «нету» того, тех «сгущений» и тех испытаний, которые возникают, и тех испытаний, которые заставляют ребенка выйти в личностную позицию. Я имею в виду именно ситуацию обучения. И наоборот. Я вспоминаю фильм Ролана Антоновича Быкова «Чучело». Я написал несколько статей по этому поводу. Именно там возникают ситуации личностного поведения человека и самостояния. Мне кажется, когда мы говорим об этих ситуациях, то очень важен термин «испытание», прохождения через испытания и проба себя в испытаниях. Это, мне кажется, очень важный момент и очень важный момент в Вашей позиции, когда Вы говорите об этих *сгущениях в ситуациях*. Но что это означает? А это означает, что Вы должны описать особым образом вот эти ситуации как пространственно временные, с моей точки зрения; как особым образом ценностно-ориентированные, когда я из одного как бы хронотопа ценностей попадаю и перехожу в другой хронотоп. Совершаю это путешествие, как совершает это герой весьма авантюрного романа, попадая из одного пространства в другое, где оно требует проверить свои действия, и так далее. В этом плане очень важно для личности вот эти личностные шкалы и система ценностей. К сожалению, в книге (мне так показалось первоначально) вот эти ценностные ситуации не указаны. Но они важны. В частности, личностный поступок и личностное действие – они бескорыстны. Это действие, за которым нет корысти, нет награды, нет поощрения. И вот здесь я с Александром Ивановичем Донцовым согласен. Это особые поступки, за которые мне не будет награды, но я делаю. Это вторая часть разговора. <...>

Оценивая книгу, мы все-таки должны понять особую композицию этой работы. Когда существуют эссе, настраивающие нас на некоторое образное и научное рассуждение, которые дают нам разные сюжеты (о пуговичке, о радуге, обо всех важных моментах). Мне кажется, это ход! Мы обычно привыкли к реверсивным выходам по поводу того, что мы написали. Но мы не привыкли строить работы с некоторым таким смыслом и смысловой эмоциональной настройкой, в которой и есть, может быть, то зерно, о котором затем будет написано научными словами. Вот эти эссе несут в себе нечто... Мне очень интересно их специально просмотреть и соотнести с научным текстом... Мне кажется, что автор толкает нас к этому, чтобы мы серьезно отнеслись к эссе как *смысловым* <...>.

И в этом плане у меня расхождение с Вами по поводу идентификации. Потому что для меня механизм идентификации (ну это моя позиция), у каждого своя позиция... Я в 1972 году про это размышлял. Это механизм не просто идентификации с другим, а это *особый механизм смыслового моде-*

лирования пространства другого. Это один из механизмов проникновения в подтекст поведения другого человека, где мы как раз осваиваем его целевые и мотивационные основы смысла. А смысл для меня – это отношение цели к мотиву (согласно Л. С. Выготскому). Вот мы осваиваем смысловое пространство другого. Это особый механизм смыслового понимания другого. Не просто я себя с ним идентифицирую (с другим и обособляюсь), а это особый механизм понимания смысловой позиции. Вот, я бы здесь высказал свое различие в понимании. Поскольку действительно это термин серьезный. И когда Александр Иванович Донцов говорит, что идентификация и обособление – это общечеловеческие механизмы, то для меня очень важно понять статус этого механизма. Для каких ситуаций общения, взаимодействия с другими мы его употребляем?

Еще раз огромное спасибо за книгу. Она мне представляется очень важной, и я жду следующую.

Академик РАО Е. А. Климов: Валерия Сергеевна правильно сказала в своем выступлении, что большой вклад в знания о личности внесли работники религии [богословы – ред.]. У нас, скажем, в Древней Руси был Нил Сорский, у которого есть целый трактат о страстях; о том, как преодолеть, как себя держать в руках, преодолевать пищелюбие, гордость, блудный дух. Там много всего. И техники соответствующие предлагаются, как что делать. Так мне кажется, в проекте решения надо хотя бы одним-двумя словами об этом сказать. Вы говорили о смысловых предтечах – о богословии, философии, истории, филологии и др. Но ведь это важно! Я атеист, но я не богохульствую и признаю заслуги религиоведов. Понятно я выразился?

Академик РАО Г. Н. Филонов: Валерия Сергеевна! У меня просто реплика. Вот только что академик В. С. Собкин здесь выступал и, по-моему, он подошел к тому моменту, о котором следовало бы сказать. И я думаю, что в Ваших материалах (может, мне это показалось?) немножко это упущено. Ведь феноменальные особенности личности, наверное, прежде всего в том, что личность обладает способностью к самоидентификации посредством включенности механизмов внутренне мотивированной сферы сознания. Вот. А включение этих механизмов внутренне мотивированной сферы сознания происходит на основе *саморефлексии*. Это универсальная способность, присущая личности. И вот эта саморефлексия ориентирует на внутреннюю выработку смысловых ориентаций, ценностных ориентаций. Дает возможность личности в предметном мире, многообразии предметного мира вырабатывать собственные позиции. Об этом Вы говорили. О предметном мире. Вот, наверное, эту сферу, внутренне мотивационную, деятельностную, на деятельностном уровне, внутренне мотивационную сферу личности нам еще нужно очень основательно изучать. Потому что механизмы требуют внимательного изучения и психологами, и не только психологами. Вот только это я и имел в виду.

Доктор педагогических наук А. А. Ярулов: Во-первых, я слушал с самого начала выступление Валерии Сергеевны и благодарил судьбу и Бога за то, что я принадлежу к этой школе. Во-вторых, слушая выступление, я идентифицировался, когда выступал Вадим Артурович Петров-

ский. Я отчуждался, когда слушал иные выступления. Я наблюдал и переживал действие механизма обособления в выступлениях ряда коллег психологов. Таковы мы – люди...

Теперь о самой концепции. Концепция Валерии Сергеевны позволила мне отрефлексировать и сформулировать программу собственной деятельности.

Говорят о кризисе теоретической и практической психологии. Как практик могу сказать: есть кризис, существующий между психологией и педагогикой. С 1992 года, когда я руководил педагогическим комплексом «Дом детства», я убедился в том, что в концепции Валерии Сергеевны заложен *действенный синтез теории и практики*.

Первое. Ее диагностические проективные методики обладают мощным развивающим, коррекционным потенциалом, который позволил нам проводить работу с депривированными детьми по всем структурным звеньям самосознания.

Второе. Многие психологические методики можно использовать только в экспериментальных программах. Концепция Валерии Сергеевны, ее методы, разработанные в русле этой концепции, взаимосвязаны. Мы можем организовать в пространстве педагогики в обыденной повседневной жизни условия развития ребенка.

Приведу два примера. Мы работали над развитием содержания структурных звеньев самосознания детей, лишенных родительского попечительства (с трех до семи лет). Формируя, например, психологическое время детской личности, мы, в согласии с идеей Мухиной, *разработали и апробировали для детей проективные мифы об индивидуальном прошлом ребенка-сироты*. Дело в том, что у детей из семьи усилиями родителей создается индивидуальное прошлое. Депривированные дети не имеют этого индивидуального прошлого.

В связи с тем, что прошлое определяет не только настоящее, но и будущее, а у детей из дома малютки прошлого как бы и не было, приходилось специально заниматься разработкой и содержательным наполнением психологически значимого прошлого ребенка-сироты. Мы *системно наполняли психологическое прошлое ребенка*, опираясь на знания возрастной психологии. У ребенка-сироты, который находится в состоянии госпитализма, нет индивидуального психологического прошлого. Когда мы стали работать с таким ребенком по индивидуальной программе проективного мифа о прошлом, ребенок изменился. Психологическое прошлое – фундамент для обретения психологического настоящего и будущего.

Я бы хотел сказать, что для практиков «личность» – это эталон, к которому мы должны побуждать ребенка, мотивировать его быть личностью.

Мы использовали такой прием, разработанный совместно с Валерией Сергеевной, как погружение ребенка в атмосферу семьи. Эта работа велась в семьях из деревень – там ребенок ближе к натуральному существованию реальных людей. Ребенок, который впервые попадает в деревню, всему удивляется. Его спрашивают: что это такое, показывая на подпол? Он говорит: это квадрат. Показывают на полено, он говорит: прямоугольник. Через месяц-другой жизни среди естественных простых людей получаем совершенно другого ребенка.

И еще важный момент. Никогда, даже в обычных школах, мы не учим ребенка эмоциональной культуре. В русле концепции Валерии Сергеевны с использованием методов куклотерапии и кукол-баффитов, мы учили детей распознавать чужие эмоции и контролировать свои эмоции. Это очень важно. И самое главное, через это распознавание, через идентификацию и обособление от других, ребенок начинал овладевать культурой выражения эмоций. Спасибо за внимание.

Министр образования Иркутской области, кандидат психологических наук В. С. Басюк: Я буду краток, поскольку продолжу тему, с которой выступал Александр Анатольевич Ярулов. Я тоже был десять лет руководителем детского дома. И мы изучали еще одно направление, которое сегодня было озвучено Валерией Сергеевной: развитие детской личности особой категории детей – детей, лишенных родительского попечения. Отягощенный онтогенез у этих детей и тяжелые социальные условия, в которых они росли, приводят к обедненному восприятию предметного мира, ограниченности развития образно-знаковых систем, ограниченности социально-нормативного пространства... Природную реальность они воспринимают весьма ограниченно. Происходит также искажение реальности внутреннего пространства самой личности ребенка.

На наш взгляд, один из самых эффективных способов формирования у ребенка-сироты внутреннего пространства личности проходит через специальные развивающиеся условия.

Обсуждаемые реалии представлены в специальных условиях нашего «Центра игры», где ребенок может осваивать через игру все особенности этих реалий.

Сегодня об этих особенностях хорошо сказал Александр Анатольевич Ярулов. Именно в игровой символической форме ребенок осваивает реальности: предметного мира, природы, образно-знаковых систем и социально-нормативное пространство.

Совместно с Валерией Сергеевной нами была разработана концепция этого Центра. Уже сегодня действует этот «Центр игры» в городе Иркутске для детей и подростков, лишенных родительского попечения. В центре ведется работа по сопровождению развития ребенка: создаются условия, разрабатываются способы эффективного воздействия на развитие. Мы пытаемся на основе теоретических положений, которые обсуждаются в книге Валерии Сергеевны, построить практику оказания помощи и поддержки ребенка.

Доктор психологических наук Г. В. Семья: Я пришла в психологию из экспериментальной физики по инициативе и активном участии Валерии Сергеевны. Поэтому я с полным правом могу называть ее своим учителем в психологии. И так как многие идеи, представленные сегодня, рождались на моих глазах, это была великолепная школа обучения психологии.

Хочу еще отметить то, что благодарность учителям, которую Валерия Сергеевна выражает в своих книгах и своих выступлениях, это тоже прекрасная школа личностного развития.

Мною разрабатывалась концепция психологической защищенности детей, оставшихся без попечения родителей, поэтому я в некотором роде

продолжаю те выступления, которые были передо мной. В понятиях «чувство психологической защищенности» и «условия, которые способствуют переживанию этого чувства» я искала опоры на свое видение оказания помощи детям, лишенным родительского попечительства. Я опиралась на теоретические толкования факторов, которые сформулировала Валерия Сергеевна. Это прежде всего: *внешние условия и внутренняя позиция*. Еще одна идея, которая позволила мне сформулировать концепцию психологической защищенности, – это положение Валерии Сергеевны о человеке как совокупности двух исторически формирующихся начал: *человек как социальная единица и человек как уникальная личность*.

Психологическая защищенность была представлена мной как феномен личностного бытия развивающегося ребенка. Я рассматривала эту позицию через совокупность «внутренней позиции» и «внешних условий». Она была представлена в виде функций двух переменных, зависящих от времени. Мы выстраивали фазовое пространство психологической защищенности, что позволило ввести понятия «*квазизащищенность*», «*квазинезащищенность*» и т.д.

Я хочу остановиться на некоторых моментах, показать, как это сработало. В детском доме в условиях институционализации мы содействовали формированию у детей особой внутренней позиции – так называемого *психологического капсулирования* (В. С. Мухина) детей. Эта позиция состоит в отчужденном отношении ребенка к другим и к себе. У него формируется внутренняя позиция «ничейного ребенка». Состояние психологического капсулирования приводит ребенка к стремлению находиться в освоенных стереотипах жизнедеятельности в условиях ограниченного социального пространства. Здесь его развитие определяется *позицией социальной единицы* (В. С. Мухина). Ребенок, лишенный родительского попечительства, в свое время выходит из детского дома, становится выпускником. Наше общество не готово принять молодого человека. И поэтому у него вновь возникает внутренняя позиция, отчужденная по отношению ко всему социуму. Он оказывается социально и психологически незащищенным даже если по отношению к нему реализуются все законы. По идее, на выходе должна быть социальная защищенность как результат социальной защиты ребенка: его внутренняя позиция в детстве и отрочестве «ничейного ребенка» перерастает в позицию «один против всех». Вы знаете, что сейчас государственная позиция нацелена на развитие семейных форм. Когда ребенка передают на семейное воспитание, происходит переход из позиции «ничейного ребенка» в позицию семейного. Это должно позволить реализовать основные социальные потребности, обеспечивающие чувство семейного «Мы». Каждой внутренней позиции соответствует свое наполнение структурных звеньев самосознания. То, что можно разработать диагностически, можно мерить. И это позволяет выстраивать коррекционную работу с ребенком.

Еще один пример. (Это меня в свое время потрясло очень сильно!) Я нахожу, что это особая роль предложенных и обоснованных Валерией Сергеевной реальностей существования человека и особая роль структурных звеньев самосознания.

Мною был проанализирован огромный материал – разнообразный и противоречивый – по международному усыновлению. Вы знаете, что это тема не только правовая, социально-психологическая, но и политическая. Здесь ведутся очень жестокие баталии. Люди теряют места в Госдуме. Некоторые наши чиновники и политики были отозваны именно из-за своего непонимания проблемы.

Материала было накоплено очень много: научные исследования, мифы, обыденные представления – все существовало отдельно и не объединялось никак. Невозможно было каким-то образом эти материалы структурировать.

Самое большое чудо было для меня, когда вся информация разложилась по полочкам структурных звеньев самосознания и по полочкам выявленных Валерией Сергеевной реальностей.

Особая проблема – зарубежное усыновление. Ребенок приезжает в другую страну, меняются все реальности: природная, предметный мир, все остальные реальности. Каждая из реальностей меняется для ребенка в этой иноязычной, инокультурной среде. Также существенно меняется наполнение структурных звеньев самосознания. Представьте себе: ребенок приехал, ему *сменили имя*; ему – инвалиду без ног – сделали протезы и он играет в футбол; ему создали условия для развития. У него возникают конкретные *притязания*, которые он может реализовать. Нередко неуспешные ученики у нас в стране, в новых условиях становятся отличниками в школах Америки и т.д.

Я проводила много исследований в разных странах и хочу сказать, что отнесенный к структурным звеньям самосознания накопленный материал, говорит о том, что после того как ребенок прошел социально-психологическую аккультурацию в чужой иностранной семье, у него изменилась его детская личность.

Была подтверждена идея Валерии Сергеевны о том, что стрессовые условия приводят к регрессу, но затем повышается сензитивность к новым условиям. Этот эффект мы наблюдаем при усыновлении детей за рубеж. В России, когда средний класс стал брать детей на усыновление, когда ребенку создают возможности к развитию, мы наблюдаем сходный эффект. На основании концепции структурных звеньев самосознания были построены опросники для усыновителей.

Я много езжу по стране и для меня значимо здесь сказать о том, что я вижу, как широко известны теории Валерии Сергеевны.

III – Заключительное слово академика РАО В. С. Мухиной

Уважаемые коллеги! Я очень признательна вообще всей аудитории: и членам Академии, и моим ученикам, которые в разных высоких должностях побросали свою работу и приехали из многих городов России. Если вы слышали, они прилетели и приехали сегодня. Для меня это очень значимо. Здесь же и мои аспиранты, и аспиранты нашей кафедры. Здесь же наши студенты сидят. Они просили разрешения, и их освободили от занятий, чтобы они приехали на обсуждение моей книги.

Позвольте я по порядку выражу свою благодарность. Для меня это внутренняя необходимость.

Хочу выразить особую благодарность *Вадиму Артуровичу Петровскому*. Вадим Артурович существует для меня рядом с Артуром Владимировичем Петровским и сам по себе.

Артур Владимирович Петровский был для меня другом, защитником, наставником, покровителем и куратором по жизни. Он не был моим учителем. Так сложилось, но он всегда сопутствовал мне, всегда охранял мое присутствие в этом мире, потому что я была очень несильный человек. Мне нужна была поддержка, и Артур Владимирович ее всячески оказывал.

Вадим Артурович... Я его узнала, когда он был школьником. Он был совершенно замечательный: носился со своими юношескими идеями. Он готов был обсуждать идеи в разное время и в разных пространствах. Вадим Артурович и поныне включается в обсуждение всего того, что привлекает его в науке.

Спасибо, Вадим Артурович, за Вашу включенность в анализ моей монографии и за сегодняшнее выступление.

Благодарю за глубокую включенность в мое видение феномена личности, сопряженные с ним понятия, объясняющие условия развития и бытия личности, механизмы развития и бытия личности и сущностные характеристики структуры самосознания личности. Спасибо за оценку результатов моего долговременного и трудоемкого труда как «масштабный вопль через себя понимание проблемы личности», как «один из первых общепсихологических трактатов», как «первую энциклопедию для личности». В моих планах продолжение работы над проблемой феноменологии личности.

Благодарю также моего второго рецензента и коллегу – доктора психологических наук, профессора *Людмилу Владимировну Тарабакину*.

Я отвечала на вопросы по ходу обсуждения доклада. Перейду к обсуждению моего доклада и монографии уважаемых коллег.

Хочу выразить мою благодарность *Александрю Ивановичу Донцову*. Меня вдохновляют Ваши рефлексии на мое понимание личности. Спасибо за интеллектуальную идентификацию с моим видением феноменологической сущности личности.

Что касается Вашего сомнения относительно того, что в моей концепции нет «других», то Вы пропустили этих «других», очевидно, потому, что в социальной психологии делаются акценты на иные понятия и просто слова. У меня «другие» присутствуют и в самом определении феномена личности и неразрывно во всех контекстах концепции. Притязания на признание также зависят от ожиданий этих «других», так как притязающий апеллирует к другому и к социуму вообще.

Каждый из нас слушает через себя, через свое сложившееся образное и концептуальное видение. Александр Иванович к ряду вопросов подходит как социальный психолог, что естественно. Интеграция разных областей знаний позволяет продвигаться в познании более продуктивно. Благодарю за новые ракурсы видения проблемы личности.

Хочу выразить мою благодарность *Владимиру Самуиловичу Собкину*. Относительно значения образования в развитии личности. Этот вопрос даже не должен здесь обсуждаться. Без передачи опыта, без «присвоения материальной и духовной культуры» (К. Маркс) невозможно развитие личности – продукта всей истории человечества и социальных условий. Я говорю о значении образования, я специально ввожу новое понятие «Великое идеополе общественного сознания», которое обозначает все виды достижений человечества в познании и которое подается на первых этапах каждому новому поколению через образование, а позже – через самообразование.

Для меня важно, Владимир Самуилович, что Вы обратили внимание на понятие «сгущение». Я нашла необходимым выразить этим понятием моменты раннего онтогенеза: *сгущения и паузы* (см. «Таинство детства» – три издания). Затем: в моей концепции феномена личности я обращаюсь к идее сгущения, когда обсуждаю феноменологические проявления личности через идентификацию и обособление. Я нашла для себя понятие «сгущение» весьма продуктивным и стала использовать его в объяснении многих явлений психической жизни человека.

Мой учитель Б. Ф. Поршнев ввел понятие «массовые сгущения», когда обсуждал проблемы начала человеческой истории.

Много позже я нашла, что это слово в качестве иных значений используется в астрономии (состояние космических тел). В толковании сновидений и анализе остроумия З. Фрейд использовал понятие «сгущение» с присущими его пониманию значениями. По-особому использовал понятие «сгущение» М. М. Бахтин.

Я полагаю, что понятие «сгущение» для психологии может быть весьма емкой и значительной категорией.

Владимир Самуилович! Вы уделили особое внимание идее М. М. Бахтина о *хронотопе*. Что касается времени и пространства у М. М. Бахтина, то он рассматривал разные аспекты времени (биографическое, большое, карнавальное и др.) и разные аспекты пространства (внутреннее пространство, внутреннее пространство жизни). Эти аспекты времени и пространства, естественно, рассматривались порознь и во взаимодействии, когда он говорил о карнавальной художественной концепции пространства и времени или о связи пространства и времени. Отдельно он ввел понятие *хронотоп*, когда обсуждал пространственные и временные координаты жанра (см.: Бахтин М. М. Собрание соч. – Т. 5, 6) или когда писал о хронотопе романа, где время – незавершенная современность, пространство – зона возможного контакта (См.: Там же. – Т. 6. – С. 388) и т.д.

Хронотоп (греч. *chronos* – время, *topos* – место) – понятие, заимствованное из естественных наук и введенное в литературоведение М. М. Бахтиным для обозначения существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе. Для меня особо значимо суждение М. М. Бахтина о *сгущении времени* (см. «Форма времени и хронотопа в романе»).

Идея неразрывности пространства и времени издревле просматривается в философии, она заложена в языке.

Что касается моего видения самосознания человека как личности, то пространство и время я рассматриваю особым образом. У меня нет пересечения с литературоведческими изысканиями М. М. Бахтина. И потом: помимо М. М. Бахтина об особой связи пространства и времени говорили многие философы и психологи. Так, Пьер Жане специально обсуждал психологическую эволюцию личности также через сущностные связи пространства («социальная личность») и времени («личность во времени»). Но у меня не было задачи обращаться ко всем изысканиям моих предшественников, если эти идеи сущностно не ложились в контексты моего концептуального видения проблемы. Такие подходы к построению концепции перегрузили бы и без того сложную и объемную структуру моей монографии.

Далее. Владимир Самуилович выразил некоторое удивление тому, что я в своей монографии не ссылаюсь на некоторых наших соотечественников. В моих учебниках указание на этих авторов, безусловно, есть. Уже двенадцатое издание учебника «Возрастная психология. Феноменология развития» (М.: Академия, 2009) отсылает студентов к нашим отечественным корифеям. Однако обсуждаемая монография имеет свою логику развития идей. Я в своих обращениях к источникам исхожу из побуждений развития мысли, а не из-за формальной вежливости.

Спасибо, Владимир Самуилович, за прочтение моей монографии, за позицию научного оппонента и за одобрение моей книги в целом.

Хочу выразить мою признательность за многоплановые вопросы и выступления *Евгению Александровичу Климову* и *Георгию Николаевичу Филонову*. Ваши вопросы и суждения, коллеги, призывают меня к следующему этапу размышлений. Спасибо!

Отдельно хочу выразить признательность моим ученикам: *Анне Алексеевне Ивановой*, *Александру Анатольевичу Ярулову*, *Виктору Стефановичу Басюку*, *Галине Владимировне Семье*, *Анне Викторовне Черной* – они оставили свои служебные посты и прибыли сюда, чтобы представить не только общее концептуальное видение развития и бытия личности, но и показать практическое использование целостных идей в разных отраслях психологических знаний.

Мне о каждом из моих учеников хочется сказать: об их диссертациях, монографиях и практических достижениях. Но все устали. Спасибо всем вам, мои ученики, что были здесь со мной.

Особая моя благодарность академику-секретарю Отделения психологии и возрастной физиологии РАО, академику РАО *Анатолию Алексевичу Деркачу* за предложение сделать доклад на нашем отделении и за признание достижений моих научных идей в их воплощении в работах моих учеников. Ваши слова: «Мы сегодня видели настоящую научную школу» для меня означают большую ответственность перед наукой и научным сообществом.

Спасибо всем.

IV – Заключительное слово председателя

Академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии РАО, академик РАО А. А. Деркач: Уважаемые коллеги! Я думаю, что выражу общее мнение всех членов бюро. Мы сегодня получили удовлетворение от такого доклада... от ответственности академика и за свое выступление, и за то, что мы сегодня услышали и увидели. Мы сегодня видели настоящую научную школу. Говорят о том, что когда академики, члены-корреспонденты появляются в газетах, журналах, часто непонятно, чем они занимаются...

Сегодня мы увидели и услышали – такой колоссальнейший труд! Исследованиями охвачена почти вся страна, многие ее регионы. Экспериментальные исследования проводились во многих странах мира. Это же просто прекрасно! И как мы плохо знаем то, что каждый из нас делает в той или иной отрасли!

Это хорошо, что мы выслушиваем на бюро кроме теоретиков еще и практиков, которые внедряют теории и психологические знания в практику.

Я хотел бы особо поблагодарить сегодня рецензентов. Это непростой труд. Вадима Артуровича Петровского особенно. Я внимательно просмотрел рецензию. Рецензия не формальная, не отписка. Это большой ответственный труд. Спасибо, низкий поклон Вадиму Артуровичу.

И Людмила Владимировна Тарабакина – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития факультета педагогики и психологии МПГУ проделала большую работу. Спасибо Вам, Людмила Владимировна.

Я не знаю как Вас, но меня поразил общий тираж изданий учебников, который составил у Валерии Сергеевны 1 млн 700 тыс. экземпляров и более полумиллиона тиража книг и монографий. Думаю, что вряд ли кто из ученых может похвастать таким тиражом. И еще: по теме разрабатываемой Валерией Сергеевной более 35 изданий книг и монографий.

Я вношу предложение членам бюро. Давайте внимательно рассмотрим постановление. Отметим не только продуктивность концепции, но и продуктивность развития научной школы Мухиной.

Спасибо всем.

Спасибо, Валерия Сергеевна. Доброго Вам здоровья.

Спасибо всем.
